

и пути» не является ни чисто экономической инициативой, ни новой внешне-политической стратегией. И в первую очередь речь идёт о новой идеологической конструкции, о чём не очень принято говорить вслух как в Китае, так и в России. По мнению многих китайских экспертов, Пекин выходит на внешний рынок с новой идеологической доктриной, где идеология – это и есть экономика. Согласно этому взгляду, экономика является первичной основой всего остального развития, но мы не должны забывать о том, что Китаю это нужно с целью расширения своего идеологического пространства.

Очевидно, что в реальности китайцы не рассчитывают на какую-либо экономическую прибыль. Можно говорить о той потенциальной выгоде от данного проекта, которую получит Казахстан или Монголия. Но не Китай! Поскольку прямой экономической выгоды для себя он не предполагает, необходимо обратить особое внимание именно на идеологические аспекты обсуждаемого проекта.

В.Н. Ремыга

ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ ИНИЦИАТИВЫ ЭПШП

Стержнем проекта «Экономического пояса Шёлкового пути» во многом является инфраструктура, однако проект не сводится к ней полностью. Весьма показателен пример высокоскоростной железной дороги Москва – Пекин. Это китайская инициатива, она воплощается в жизнь на китайские деньги, построенная дорога будет обеспечена китайским подвижным составом, и перевозить она будет в первую очередь китайских пассажиров. Возникает

закономерный вопрос о роли России в проектах такого рода. Казалось бы, логично параллельно с будущим китайским маршрутом развивать российский Транссиб, но Китай едва ли пойдёт на такой шаг. Железная дорога, связывающая Китай с Европой, если она пройдёт через территорию Казахстана, окажется на 2000 км короче. Более того, на сегодняшний день в Китае уже существует скоростная железная дорога, идущая до границы с Казахстаном. Китаю нет никакого смысла оказывать России помощь в развитии Транссиба.

Возможно, выход заключается в том, чтобы совместно с Китаем создать специальный транспортный узел с целью развития Дальневосточного региона, с тем чтобы в дальнейшем наладить перевозку китайских грузов через российские порты. Речь идёт о таких проектах, как «Приморье-1» и «Приморье-2». Лишь когда диспропорции в развитии северо-восточных провинций Китая и российского Дальнего Востока будут устранены, с китайской стороны может возникнуть интерес к сопряжению маршрутов.

С.Ю. Глазьев

ЭПШП И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ

Моё выступление будет затрагивать тему сопряжения в связи с интеграцией. К сожалению, Евразийский экономический союз лишён международной правовой субъектности. В международных отношениях Евразийский союз существует по формуле «5+1», что, с точки зрения Китая, добавляет к пяти участникам данного проекта просто ещё один субъект, отвечающий за нормативное регулирование.

Существуют серьёзные сомнения

в жизнеспособности подхода, согласно которому сфера безопасности будет оставаться в зоне ответственности России, тогда как Китай займётся всем остальным. Поскольку Россия лишена своего собственного контура безопасности, она едва ли в состоянии отвечать за безопасность других.

Далее необходимо указать на то, что нормативная база сотрудничества Евразийского экономического союза для Китая не очень подходит даже с точки зрения сопряжения. У нас есть консенсус в отношении того, что преференциальный торговый режим, который мы хотим предложить Китаю, не будет включать в себя свободную торговлю. Следовательно, возникает вопрос, как быть с нормативной базой. Как она может быть выстроена с точки зрения китайской системы международного регулирования и российской? Россия работает в рамках ВТО, это единственная общая нормативная база. Между Россией и Китаем существует двустороннее соглашение, которое нас объединяет. Но если Китай не входит в Евразийский экономический союз, а Россия даже не предлагает создавать зону свободной торговли, то ЕАЭС и не может выступать в качестве законодателя в области нормативной базы сотрудничества.

России необходимо подключиться в этот проект исходя из её собственных интересов. Но это не так-то просто, потому что для того, чтобы воплотить в жизнь идею сопряжения с нашей стороны, её нужно наполнять реальными проектами. Таковых много, существует даже список приоритетных двусторонних проектов. Но в наших бизнес-структурах существует поговорка: хотите угробить проект – запишите его в список приоритетных, поскольку они

практически не реализуются из-за того, что у России нет на это денег, а также отсутствуют чёткая стратегия и конкретные планы. Всё это лишь следствие нашей макроэкономической политики. Если Россия не поменяет её в рамках существующей денежно-кредитной политики, она не сможет выстроить с Китаем нормальной технологии сопряжения с концепцией «Экономического пояса Шёлкового пути» на двусторонней или даже межгосударственной многосторонней основе. Любые межгосударственные проекты предполагают, что китайцы финансируют свою часть, мы финансируем свою часть. Как это получается – хорошо видно на примере проекта Трансконтинентальной автомобильной дороги, которую Китай вместе с Казахстаном построили до Оренбургской области, а дальше она так и осталась просёлочной и в ближайшие три года вряд ли будет достроена. Поэтому в ситуации, когда у нас нет внутренних источников кредита, претендовать на какое-то полноценное межгосударственное сотрудничество, к сожалению, не приходится.

Рассуждая о будущей конфигурации российского экономического пространства, нам фактически приходится сегодня выбирать из двух сценариев. Либо продолжать двигаться в рамках вашингтонского консенсуса как периферия американоцентричной финансовой системы. И тогда смысл сотрудничества будет очень простой: вы открываетесь, мы со своими транснациональными корпорациями за вас всё построим, всё сделаем, всё обустроим, а вы будете как потребители здесь присутствовать на вашей территории и участвовать в проектах, которые мы финансируем. Но поскольку американцы по-прежнему ведут против России

экономическую войну и сохраняют финансовое эмбарго, остаётся второй путь – переключиться на новый, китайский финансово-экономический центр.

Выбор между двумя путями на самом деле имеет идеологический характер. Первый путь – американоцентричный. Путь под лозунгом «деньги решают всё!» Можно оспорить тезис, будто бы Китай занимается благотворительностью, финансируя проекты, которые ему якобы не выгодны. Скорее, в данном случае речь просто идёт о другой парадигме, другой идеологии и другом мирохозяйственном укладе. В соответствии с этим принципом главной задачей выступает рост благосостояния, рост производства и общая гармонизация экономического пространства. Это очень разумная стратегия, гораздо более разумная, чем игра на бирже, являющаяся квинтэссенцией уже не столько американского капитализма, сколько финансового олигархата.

Если Россия действительно стремится попасть в этот новый мирохозяйственный уклад, концепция «Шёлкового пути», предполагающая общую судьбу, общие задачи, гармонизацию интересов и невмешательство во внутренние дела, – это именно то, что ей необходимо. На этих же принципах строится евразийская организация. Для того чтобы стать полноценным участником этого процесса, а не оставаться на периферии и ожидать, пока в Россию придут китайские инвесторы и отблагодарят её за то, что она обеспечивает безопасность Центральной Азии, потребуется примкнуть к новому центру экономического роста и выстроить собственные институты нового мирохозяйственного уклада.

Необходимо решить вопрос, стоит ли России действовать на межгосударственной или на наднациональной

основе. Если бы наша страна имела в своём распоряжении такие же банки развития, как в Китае, она могла бы успешнее работать на межгосударственной основе. В освоении евразийского пространства со стороны Китая участвуют как минимум три крупные структуры: фонд «Шёлкового пути», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и банк развития БРИКС. Все они являются политическими институтами глобального значения, а за ними следует масса собственно китайских институтов, располагающих громадными средствами. Китай весьма грамотно управляет своими денежными потоками, и для того, чтобы сохранить макроэкономическую стабильность, он вынужден перекачивать эти денежные потоки в евразийское пространство. Пекин сегодня столкнулся с проблемой наличия избыточной денежной массы и производственных мощностей.

В России же подобных институтов нет вообще, поэтому непонятно, как она планирует выстраивать большие проекты на межгосударственной основе. Наш Евразийский банк развития на фоне аналогичных китайских структур является карликом, по сути дела незаметным даже на финансовом рынке. На протяжении вот уже двадцати лет ведутся разговоры о создании совместного самолёта, много лет обсуждаются проекты развития общей транспортной инфраструктуры. Но всё ограничивается лишь разговорами! Если Россия не перестроит собственную внутриэкономическую политику и не начнёт делать то же, что делает Китай, создавая у себя внутри гибкую денежную систему, а также институты долгосрочного развития и стратегического планирования, ей останется уповать лишь на помощь наднациональных институтов.

Поскольку концепция «Экономического пояса Шёлкового пути» только обретает конкретные очертания, можно предложить лишь такие наднациональные формы, как совместные консорциумы, концессии и прочие структуры управления крупными инвестиционными проектами на наднациональном уровне. Если мы захотим создать самолёт, мы должны действовать не так, как действовали европейцы, когда каждая страна отвечала за свой участок в общей кооперации. Вместо этого следует создать международную наднациональную структуру, которой Китай выделяет деньги, а уже эта структура будет управлять российскими разработчиками и производствами, формируя кооперационную сеть. Если будет принято решение строить скоростную железную дорогу Москва – Пекин через Казахстан, потребуется создать международный консорциум, которому Россия и Казахстан обеспечат территориальный коридор, а наднациональная система управления на китайские средства, но с участием российских специалистов и производственных мощностей построит дорогу. В рамках существующей сегодня в России макроэкономической политики ничего иного, к сожалению, предложить невозможно.

Альтернатива для России сводится к тому, что или наша страна принимает всё как есть, несколько упорядочивает данный процесс и встраивается в кооперацию с Китаем. В этом случае наша страна обречена оставаться в пассивном положении, поскольку всё будет сделано за неё и, скорее всего, в невыгодной конфигурации. Или же она круто изменит собственную макроэкономическую модель – и тогда получит шанс на равных выступать с китайскими партнёрами.

Зависимость от Запада – родовая болезнь России, от которой ей необходимо скорее избавляться. Можно привести множество примеров того, как со стороны американского лобби осуществляется прямое противодействие сотрудничеству с Китаем и на политическом, и на инвестиционном уровне. Доходит до того, что мы парадоксальным образом формируем общие институты развития в долларах. Евразийский банк развития имеет уставной капитал в долларах, антикризисный фонд ЕврАзЭС собирает деньги в долларах, это при том, что любая долларовая операция может быть сейчас элементарно заблокирована Федеральной резервной системой США просто потому, что выполняется в долларах. Поскольку вся финансово-экономическая система России зависит от американских центров управления, она до сих пор не может полноценно развернуться лицом к Китаю.

С.Ф. Санаков

ЭПШП И РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Мир кардинально меняется. И дело здесь не только в победе Д. Трампа на президентских выборах в США. Верен скорее обратный тезис, поскольку Трамп пришёл к власти именно потому что мир изменился. США предпочли бы ограничиться двумя площадками – Транстихоокеанским партнёрством и Трансатлантическим инвестиционным партнёрством. При этом фактически прямым текстом говорится о том, что туда не должны входить ни Россия, ни Китай. Согласно американским замыслам, правила международной торговли должны были быть отрегулированы таким способом, чтобы